

Аркадий Рух

Отчаяние

Часть сборника
Русская фантастика – 2016
(сборник)

Аркадий Рух

Отчаяние

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рух А.

Отчаяние / А. Рух — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-457-97875-1

«...Правда, я – не человек. Стреноженный силами, многократно превосходящими мои, я влачу свое существование в безвременном нигде, в котором нет даже пустоты, и самая мысль моя – не скованная, вольная, – обречена рассеиваться в этом «нигде», так и не встретив благодарной упругости, могущей возвернуть ее мне. И тогда, на пике отчаяния, в пароксизме одиночества – я придумал его: нелепого, несуразного, состоящего сплошь из отрицающих счастье частиц, только для того лишь, чтобы изголодавшиеся сенсоры моей души смогли поймать тот отзвук, ту тень, что одна лишь и способна подтвердить факт нашего существования. Mea culpa. Mea maxima culpa. Это был шулерский трюк, прости меня, Бусик...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-457-97875-1

© Рух А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1	5
2	6
3	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Аркадий Рух

Отчаяние

1

Фамилия его была Бусик, что, как нетрудно догадаться, на всю жизнь избавило его разного сорта знакомцев от потребности ломать голову над придумыванием прозвищ – благо слово это в краях его отрочества общеупотребимо и обозначает маршрутное такси – либо, еще шире, всякий общественный транспорт. «Бусик, прокати!» – кричали ему одноклассники, норовя запрыгнуть сзади под дружный гогот сотоварищей. Тощий, нескладный, что называется мосластый, – он отмахивался, отряхиваясь плечами, как сохатый от наскაკивающей своры. Классе в седьмом он узнал о маршале Бусико, крестоносце и герое Фамагусты, что в значительной степени примирило его с действительностью.

Студентом он стал уже с готовой легендой, возносящей его родовое древо от маршала потомка, волею императора попавшего на занесенные снегом российские пустоши, где тот и осел после благополучного пленения. В крупном городе, впрочем, принятые на его малой родине диалектизмы были не в ходу, зато «буська» означало лобзание – что, вкупе с прирожденной застенчивостью, неизменно будило в окружающих его барышнях сложную гамму чувств, приводя порой к весьма приятным последствиям. Наконец, одна из них, прельстившись не столько диковинной фамилией, сколько перспективой регулярных зарубежных выездов (а Бусик, памятуя детские свои фантазии, разумеется, ударился в средневекистику), в два счета окольцевала его, все такого же нескладного и мосластого, обеспечив тот ничтожный уровень комфорта, на который он только и претендовал. К слову, в первую же свою французскую вылазку (коих и оказалось всего две), свежесвепеченный кандидат ухитрился-таки, заполняя *en français* въездные бумаги, приписать к фамилии сакраментальные «-eau», полностью слившись со своим воображаемым пращуром.

Так случилось, что постепенно, неожиданно даже для самого себя, я начал вычленять из окружающего меня мельтешения цветных пятен, печально известных всякому, страдающему от сильной близорукости, угловатую, сутуловатую его фигуру. Не могу сказать, когда это случилось впервые. Не помню даже, чем именно он привлек мое внимание – может быть, тем, что опознал и продолжил редкую цитату. Или просто оказался в том перекрестье координат, на котором сумел сфокусироваться мой рассеянный взгляд. Могу сказать лишь, что в ту пору Бусик, будучи все еще кандидатом наук, уже безусловно одиноким (жена его, уразумев, что парижские вояжи завершены, а жалование доцента ничтожно, предпочла длить свое бытие в более прагматичном русле), обретался в аспирантском общежитии, куда безропотно вселился после развода.

Признаюсь, мне захотелось сделать для него что-нибудь хорошее, но – признаюсь еще раз – ничего так и не пришло на ум. Увы, ничто из того, что я мог предложить, не могло его заинтересовать, и это казалось так же очевидно, как и то, что ничего из представляющего для него ценность у меня не было. Как всегда.

2

Надо сказать, что Бусик нимало не тяготился своим житийствованием. В отличие от пошлых чеховских футлярусов, он скорее являл собою пример кантовой *Ding an sich*, содержа в себе все, что только и стоило интереса. Курс его о Столетней войне вполне пользовался успехом – как и другой, об итальянских полисах времен замятни Вельфов со Штауфенами, – однако сам он, казалось, никак не связывал свое присутствие в университете с тем материальным воплощением, которое бухгалтерия ежемесячно начисляла ему в виде жалования. Деньги им тратились преимущественно на книги, заполняющие его комнату практически целиком, оставив лишь узкие тропки, соединяющие дверь с казенной койкой – не всегда опрятной, не всегда прибранной, – и столом, в зависимости от обстоятельств бывшим то рабочим, то обеденным. Всякий раз, за несколько дней до очередного финансового пополнения, он с недоумением убеждался, что его платежная карточка (пин-код которой, к слову, чудеснейшим образом совпадал с годом битвы при Азенкуре, которой так стремился не допустить маршал ле Менгр) оказывалась безукоризненно пустой, так что приходилось довольствоваться благоразумно сделанными крупяными запасами.

Студенты любили Бусика за незлобивый нрав и полнейшее равнодушие к чужой безалаберности. В конце концов, резонно говаривал он, истории абсолютно безразлично, знаете ли вы ее, и менее всего она нуждается в принудительном вколачивании. Претендующие на «отлично», впрочем, достаивались вдумчивого диалога о предмете, завершавшегося, как правило, абсолютным довольством сторон.

Регулярно у него публиковались статьи то по одному, то по другому волнительному для коллег вопросу, всякий раз меткие, не без блеска – однако тематика их была столь разнообразна, что не оставляла ни малейшей надежды свести их в единый опус, способный сойти за докторскую. Безобидный чудак, более всего походил он на стебельчатоглазого моллюска, время от времени вытягивающего из безопасной раковины шаловливые щупальца, увенчанные парой любопытных глаз.

Он не был чужд безумств – в своем, бусиковском их разумении. Полагаю, многие, мнившие себя знатоками человеческих душ, немало удивились бы, узнав, что кроличья краснота его глаз имела своей причиной не бессонные бдения над заковыристой загадкой, и уж тем более не выбивающиеся за чопорные рамки излишества разного сорта, а хитроумную забаву, им же и придуманную. Подобные ночи он, бывало, готовил неделями, как хитроумный престижиджигатор по многу дней оттачивает приемы, призванные убедить простецов в реальности чуда. В урочный же час, после тщательной рекогносцировки, Бусик учинял баталию на заранее присмотренном историческом форуме. Суть забавы состояла в том, чтобы бросив весьма спорный со всех сторон тезис, самому же, перелогинясь под другой ник, ринуться его опровергать. Затем в бой вступали третий, четвертый его аватар – и вот уже на поле, покрытом клубами цитат, градом сыплются даты, спешно возводятся капониры силлогизмов и орильоны допущений, а отборная кавалерия фактов ждет своего часа, дабы одним ударом решить исход битвы.

Поводом для гигантского, порой на сотни реплик, трэда, могло стать абсолютно все, от родного языка Людовика Заморского до обстоятельств гибели тауэрских принцев. Целью же служило абсолютное освещение вопроса со всеми возможными *pro et contra*, не оставляющее автохтонам ни малейшего зазора, позволяющего вставить существенную реплику. Тогда затеянная Бусиком плутня признавалась успешной – и редко, редко стороннему нонкомбатанту удавалось явить себя в качестве реального участника боевых действий.

В общем, Бусик нашел магическое равновесие с тем, что лет триста назад называлось планидою, и был, по своему счету, абсолютно счастлив.

3

А потом вдруг случилось лето – юное, прекрасное, безжалостное. Шестаков сломал ногу, Каримова ушла в декрет, Евстафьев на полгода укатил читать лекции в Пеппердин – и вышло так, что безотказный Бусик вдруг оказался на морском берегу с ватагой студентов, отрабатывающих археологическую практику. Благо место было давно прикормленное, со своей укатанной колеей быта. Работы на раскопе (в основном скифские, хотя случались и сарматы, и греки – много кто потоптался о тех краях) велись не первый год, лагерь на полторы сотни палаток успел обзавестись традициями и даже собственным флагом, что ни зорька поднимавшимся над начальственным биваком. Были там и Бусиковы коллеги из местного университетского филиала, и армия волонтеров, тратящая отпуска на благо науки, так что практикантов взяли в оборот привычно и весело, а самого Бусика немедля подрядили выступить в действующем при лагере вечернем лектории с чем-нибудь познавательным. Например, о Генуэзской Республике – благо владений ее в относительной близости было предостаточно: Тана, Матрега, Тавролако, Солдайя, Кафа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.